

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 318-329
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.318

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“It is Indefinable and yet so Definable” (the First Female Ethnographer V.N. Kharuzina as a Person)

Lyailya G. Khusnutdinova ^{a, *}

^aMoscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

This article offers the first comprehensive analysis of the scholarly and personal contributions of Vera Nikolaevna Kharuzina (1866–1931), an outstanding researcher who became Russia's first female professor of ethnography (1907).

Based on previously unpublished archival materials from the Department of Written Sources at the State Historical Museum in Moscow, the authors reconstruct the scholar's professional path and reveal the uniqueness of her research method.

Kharuzina's scholarly contribution is difficult to overstate: the collections she assembled and her published works formed the foundation for the study of the cultural diversity of the Russian Empire. Her fieldwork combined meticulous observation with a rare ability to penetrate the semantic depths of the traditions she studied.

As an educator, she achieved a genuine breakthrough: she introduced the comparative historical method into the teaching of ethnography; authored Russia's first ethnography textbook, which was awarded the Gold Medal of the Russian Geographical Society in 1914; and mentored an entire generation of researchers, setting an example of professional resilience – even after the onset of paralysis in 1908, she continued her research and teaching.

As an individual, Vera Nikolaevna Kharuzina demonstrated a rare synthesis of intellectual honesty and humanism. Her diaries testify to a profound capacity for empathy; unwavering fortitude in the face of personal tragedies (the arrest of her brother, military losses, and serious illness); and a firm belief in “broad, God-given” love as a moral compass.

The scientific novelty of this study lies in the first systematic analysis of Vera Nikolaevna Kharuzina's legacy based on unpublished archival sources, identifying the organic connection between her research method and her personal qualities; reassessing her role as the founder of “women's ethnography”, focused on the study of women's experiences, childhood, and everyday rituals.

Vera Nikolaevna Kharuzina's legacy remains relevant to contemporary humanities. Her life and works convincingly demonstrate that ethnography is a living dialogue with culture, and that true science is unthinkable without moral choice and human participation.

Keywords: History of Russian ethnography, Vera Nikolaevna Kharuzina, women's science, memoirs, archival materials, fieldwork, cultural heritage.

1. Введение

История этнографии насчитывает более двух столетий: именно тогда она оформилась в качестве самостоятельной научной дисциплины. На стыке XIX и XX веков в этнографии возник богатый спектр направлений и школ, многие из которых не утратили значимости и сегодня. Развитие этой науки стало возможным благодаря усилиям исследователей разных профилей – от социологов

* Corresponding author

E-mail addresses: Lavanda-55@mail.ru (L.G. Khusnutdinova)

до историков – и разных стран. Среди классиков этнографической мысли: Э. Тэйлор, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, П. Сорокин, М. Мосс; среди видных российских учёных – В. Арсеньев, В. Иохельсон, А. Анохин, Н. Харузин, Л. Штернберг, С. Широкогоров, Д. Лихачёв, Г. Цыбиков и многие другие, чьи труды заложили основы современных этнографических исследований (Миллер, 1900; Курбатов, 2003; Керимова, 2007; Юнгус, 2025).

Несмотря на существенные ограничения в доступе к высшему образованию (в XIX веке женщины не допускались в университеты) и многочисленные социальные барьеры, женщины-учёные внесли весомый вклад в развитие этнографической науки. Они активно участвовали в полевых исследованиях: отправлялись в рискованные экспедиции, проводили археологические раскопки древних поселений и документировали те аспекты народной жизни, куда традиционно не имели доступа мужчины. Среди выдающихся представительниц этого направления – Т. Берштам, М. Красножённова, О. Семёнова-Тян-Шанская, А. Потанина, В. Харузина, П. Литвинова и многие другие (Токарев, 2015; Хорина, 2017; Семенова, 2021; Васеха, 2025).

В фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея Москвы бережно хранится наследие Веры Николаевны Харузиной (1866–1931) – первой русской женщины, получившей звание профессора этнографии (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83; ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 84). Когда держишь в руках её дневник, написанный собственной рукой, изучаешь машинописные строки биографии и этнографические заметки, становится ясно: жизнь этой женщины была необыкновенно богатой – и внешними событиями, и внутренними переживаниями.

В своих мемуарах Вера Николаевна Харузина, будучи профессиональным этнографом, уделяет особое внимание достоверности и объективности воспоминаний. Её цель – сохранить память о людях, которые её окружали, зафиксировать черты ушедшего быта: особенности интерьеров, детали костюма, а также многогранную картину московской жизни второй половины XIX века – то есть саму эпоху. В начале заметок она отмечает: «Свои заметки я начинаю в 38 лет. Это рано – по общепринятому обычаю писать записки, когда достигнешь уже преклонного возраста» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 84. Л. 1). Мемуары В.Н. Харузиной представляют существенную научную ценность: они служат важным источником для изучения ментальности эпохи, развития научной мысли и роли женщины-этнографа в историческом контексте. Именно в этом заключается актуальность данной статьи.

В основу статьи легли архивные материалы профессора этнографии В.Н. Харузиной, значительная доля которых впервые становится достоянием научной общности. Научная новизна работы обусловлена привлечением ранее не опубликованных исторических источников. Они позволяют по-новому оценить интеллектуальный потенциал и удивительную силу духа Веры Николаевны Харузиной – учёного, которую не сломила тяжёлая болезнь, приковавшая её к инвалидному креслу. Несмотря на физические ограничения, В.Н. Харузина до конца жизни вела преподавательскую деятельность, публиковала научные статьи, отличавшиеся высоким литературным качеством, и внимательно следила за развитием мировой этнологии.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили материалы фонда 81 «Харузины», хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва). В ходе работы были проанализированы: машинописный дневник Веры Николаевны Харузиной (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83); рукописный дневник В.Н. Харузиной, выполненный единым почерком с минимальным количеством правок (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 84); этнографические заметки, посвящённые народам Сибири и Африки (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83). Ценность этих документов заключается в том, что они не только детально воссоздают биографический путь исследовательницы, её научные поиски и внутренние сомнения, но и позволяют познакомиться с кругом её общения – семьями Боткиных, Прохоровых, Щукиных и другими лицами, связанными с Харузиными тесными дружескими отношениями (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78).

О научной деятельности Веры Николаевны Харузиной как этнографа можно судить по её экспедиционным материалам – заметкам и отчётам, созданным во время поездок на Север, в Украину и Европу. Эти работы, опубликованные в конце XIX – начале XX века, доступны для изучения в Национальной электронной библиотеке РФ. Среди ключевых публикаций: «На севере» (Москва, 1890); «Оцзи и Олес: Рассказ о жизни лопарей» (Москва, 1903); «Материалы для библиографической литературы» (Санкт-Петербург, 1904); «Программа для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев» (Москва, 1905); «Отчёт о летней поездке в Германию: (Каталогизация, консервирование и размещение коллекций в этнографический музей)» (Москва, 1912). Экспедиционные очерки В.Н. Харузиной представляют собой ценный научный материал. Они служат важным источником сведений по этнографии, географии и природоведению, дополняя формальные отчёты яркими, живыми деталями, обогащая исследовательский контекст.

Настоящая статья не ограничивается простым пересказом биографических сведений о В.Н. Харузиной. Её структура направлена на воссоздание целостного портрета учёной – как первой женщины-этнографа в России на рубеже XIX–XX веков, а также как личности, прожившей жизнь в непростую для страны историческую эпоху.

В ходе исследования темы были применены следующие методы исторического познания, каждый из которых позволил решить специфические задачи и обогатить анализ многоплановостью данных. Метод «анализ источников» дал возможность изучить первичные материалы – архивные дела фонда 81 «Харузины» Отдела письменных источников Государственного исторического музея г. Москвы, опубликованные труды В.Н. Харузиной рубежа XIX–XX веков, в т.ч. фотодокументы, что позволило выявить авторские интенции, оценочные суждения и эмоциональные акценты В.Н. Харузиной, отделить эмпирический материал от интерпретаций, оценить степень субъективности свидетельств. Метод «сравнения» (сопоставление событий и явлений) выявил общие закономерности и уникальные черты научного пути В.Н. Харузиной, определил значимость ее исследований в общероссийском и мировом контексте, помог оценить вклад ученого-этнографа через призму сопоставляемого опыта. Метод «системный анализ» (изучение взаимосвязей элементов) при рассмотрении личности и научного наследия В.Н. Харузиной как сложной системы, где взаимосвязаны и биография ученого, и институциональная среда, и сеть коммуникаций, что позволило раскрытию целостности научного мировоззрения исследовательницы. Метод «диахронический анализ» (изучение развития во времени) помог поэтапно проследить эволюцию взглядов, методик и научных результатов В.Н. Харузиной: от ранних экспедиционных заметок до зрелых теоретических работ, что позволило увидеть траекторию профессионального становления ученого-этнографа. «Этнографический метод» (полевая работа, описание, классификация) позволил оценить методологическую культуру ученого-этнографа и ее вклад в развитие этнографических практик, помог реконструировать исследовательскую оптику В.Н. Харузиной: что она видела, как интерпретировала, какие вопросы оставались вне ее внимания.

Общеисторические принципы, лежащие в основе работы: «принцип историзма» потребовало рассматривать личность и научное наследие В.Н. Харузиной в контексте конкретной эпохи, что позволяет избежать модернизации оценок и понять мотивы её действий и выборов; «принцип объективности» предполагает критическое отношение к источникам, учёт множественности точек зрения, минимизацию субъективных интерпретаций, что дает отказ от идеализации или демонизации персонажа.

Сочетание перечисленных методов и принципов даёт возможность создать многомерный портрет В.Н. Харузиной – не только как этнографа, но и как личности, чья научная биография отражает сложные процессы трансформации российской науки и общества на рубеже веков.

3. Обсуждение

О семье Харузиных и, в частности, о Николае Николаевиче Харузине – брате Веры Николаевны, талантливым этнографом, историке и археологе – мы впервые узнаём из некролога, написанного А. Миллером. В 1900 году этот текст был напечатан в «Этнографическом обозрении». А. Миллер, сам будучи этнографом и литературным критиком, рисовал портрет учёного, далёкого от образа, замкнутого «кабинетного» исследователя. Он подчёркивал общительность Харузина, его готовность поддерживать молодых коллег и тот значительный след, который Николай Николаевич оставил в науке – несмотря на то, что его жизнь прервалась слишком рано (Миллер, 1900).

В конце 1990-х годов сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН М. Керимовой и О. Наумовой был обнаружен архив Алексея Харузина – брата Веры Николаевны Харузиной. Эта находка позволила реализовать издательский проект в рамках серии «Россия в мемориалах»: были опубликованы воспоминания В.Н. Харузиной, посвящённые периоду её отрочества (Харузина, 1999). Кроме того, на основе архивных материалов вышло издание, включающее научные статьи о жизни и деятельности российских учёных, в том числе специализировавшихся на славянской проблематике (Керимова, 1998; Керимова, Наумова, 1999, Керимова 2003).

В монографии «Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных» В.В. Керимова предлагает увлекательный экскурс в историю становления российской этнографии. Через призму судьбы семьи Харузиных – братьев Николая Николаевича, Михаила Николаевича и их сестры Веры Николаевны – автор показывает, как формировалась новая научная дисциплина «этнография» в России. В работе использованы архивные находки, старые газетные публикации, тексты первых этнографических курсов. Особое место занимает анализ того, как именно Харузины повлияли на развитие этнографии в переломную эпоху конца XIX – начала XX столетия (Керимова, 2011).

Не менее интересна статья В.В. Хориной, где рассматривается вклад Веры Николаевны Харузиной в изучение религиозного феномена шаманизма. Исследовательница обращается к знаковым работам В.Н. Харузиной – «Игрушки у малокультурных народов» и «О нойдах у древних и современных лопарей», а также к её лекциям (Хорина, 2017). Важный вывод статьи В. В. Хориной – ученый-этнограф В.Н. Харузина успешно применяла сравнительно-исторический метод, позволяя глубже понять природу религиозных верований разных народов.

Работы В.Н. Харузиной заслуживают пристального внимания благодаря своей научной и историко-культурной ценности. В 1912 году в дореволюционной России был впервые издан сборник «Игрушка. Её история и значение», созданный в соавторстве В. Харузиной, Н. Бартрамом, В. Малахихиной-Мирович, Л. Оршанским, В. Боруцким и С. Глаголем. Издание представляло собой

комплексное исследование, посвящённое генезису и социокультурному значению игрушки. Этот труд отразил важнейший интеллектуальный контекст эпохи: в начале XX века представители научной, философской, художественной и литературной элиты активно искали ориентиры дальнейшего пути развития русской культуры. В сборнике нашёл воплощение характерный для того времени подход – восприятие народной культуры как источника вдохновения и мудрости, способного указать направление для духовного и творческого развития нации (Харузина и др., 2014).

В учебном пособии «Введение в этнографию» Вера Николаевна Харузина делится лекциями, в которых подробно рассказывает о традиционном быте и обычаях народов Африки, Австралии, Океании, Америки и Азии (Харузина, 2025а). Не менее интересна другая её работа – «Сказки русских инородцев». В этом сборнике читатель найдёт около 40 уникальных образцов устного народного творчества дореволюционной России. Здесь соседствуют самоедские, вотяцкие, лопарские, мордовские, латышские, финляндские, эстонские, лезгинские, башкирские, киргизские сказки и многие другие. Книга будет полезна студентам, изучающим фольклористику, этнографию и культурологию (Харузина, 2025).

4. Результаты

4.1. Биографическая справка о В.Н. Харузиной

В Москве на Малой Ордынке в доме Телешова 17/29 сентября 1866 г. в семье потомственного купца родилась шестым ребёнком Вера Николаевна Харузина (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 84. Л. 8). Отец Веры, Николай Иванович Харузин, был выходцем из старинного сибирского купечества (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 273), рано оставшись без родителей, переехал в Москву и продолжил дело своего отца по торговле текстилем. Благодаря усердию, трудолюбию и проницательности, он увеличил капитал отца и в 1873 г. получил звание купца 1-й гильдии. Женился он по любви на дочери ростовского купца Марии Михайловне Малотиной. Из воспоминаний Веры Николаевны Харузиной: «...Бабушка, у которой в детстве жила моя мама, имела в Ростове небольшой дом, выходивший тремя окнами на Ярославскую ул., с мезонином и большим садом» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 2).

В семье Николая и Марии Харузиных родилось шестеро детей: три сына и три дочери. Детей в семье любили, но не баловали, стремились дать хорошее воспитание и образование. Из воспоминаний Веры Николаевны Харузиной: «Наше нравственное воспитание зиждилось на религиозном так сильно, что говорить о них раздельно не приходится. Так было, наверное, и в других семьях того времени. Поступить дурно, нечестно, неблагородно было не только не хорошо – это было, кроме того, «грехом» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78. Л. 226).

Дети с раннего возраста были приучены к чтению, помимо классической литературы, читали и обсуждали книги по географии, ботанике, истории и искусству. Особое место в домашнем круге чтения занимали сказки Ганса Христиана Андерсена. Вера Харузина и её братья с ранних лет погружались в удивительный мир его произведений – от трогательной «Дюймовочки» и мужественного «Стойкого оловянного солдатика» до философской «Снежной королевы». Эти истории не просто развлекали: они формировали воображение, пробуждали эмпатию и давали первые уроки нравственности. Нередко после прочтения возникали долгие беседы о добре и зле, о смелости и сострадании – темы, которые позже нашли отражение в научных интересах Харузиных. Что касается «Гулливера», то произведения Джонатана Свифта также входили в круг семейного чтения, предлагая юным слушателям иной ракурс взгляда на мир – через призму сатиры и аллегории. Сочетание андерсеновской лирики и свифтовской иронии создавало в доме Харузиных особую интеллектуально-эмоциональную атмосферу, где сказки становились не только источником удовольствия, но и инструментом познания человеческой природы (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78. Л. 156-158).

Старшие сыновья Михаил и Алексей по окончании гимназии в Таллине, поступили в Московский университет, который в последствии успешно окончили: Михаил получил юридическое образование, Алексей, продолжив дальнейшее образование в Дерптском университете получил степень кандидата зоологии. Их брат Николай, по окончании московской мужской гимназии учился в Московском и Дерптском университетах и специализировался в области этнографии, истории и археологии. Дочь Вера в 1886 г. с золотой медалью окончила московскую женскую классическую гимназию С.Н. Фишер. Вера Николаевна Харузина с теплотой вспоминает о Софии Николаевне Фишер: «Весь строй гимназической жизни держался Софией Николаевной, ее высоким духом, редким умом и сердцем. Она одухотворяла всю гимназию» (Харузина, 1999). Многие выпускницы этой гимназии стали видными специалистами в различных науках и практической деятельности – врачами, педагогами, библиотекарями и пр. Дальнейшее ее образование было невозможным, т. к. в университет девушек не принимали, а в 1880-х гг. Высшие женские курсы были закрыты. Все, четверо, Вера и ее братья в будущем изберут служение науки, станут видными этнографами.

1887 год стал важной вехой в научной биографии Веры Николаевны Харузиной – именно тогда она впервые отправилась в экспедицию на Север для изучения культуры северных народностей. Вместе с братом, этнографом Николаем Николаевичем Харузиным она исследовала народы Русского

Севера – в частности, поморов, лопарей (саамов), скитников и водлозеров. Маршрут экспедиции пролегал по Карелии, Архангельской губернии и Кольскому полуострову.

Во время пребывания в Париже в 1892–1893 годах Вера Николаевна слушала курсы по истории религии, церковной истории, семейно-брачных отношений и этнографии. Полученные знания определили её дальнейшие научные интересы – исследование религиозных воззрений и духовных традиций архаических обществ.

В 1907 году произошли два значимых для Веры Николаевны события: она записалась вольнослушателем в Московский Археологический институт и была приглашена туда же в качестве лектора. Этот шаг стал важной вехой в её научной биографии: чтение лекций позволило Вере Николаевне Харузиной систематизировать собственные исследования и выстроить методологическую базу для будущих публикаций. В последующие годы она активно участвовала в работе института, публикуя статьи по этнографии и археологии.

Заниматься наукой и педагогической практикой ей мешала прогрессирующая болезнь с 1908 г. – паралич. Уже, будучи прикованной к инвалидной коляске, Вера Николаевна Харузина становится профессором Московского университета – первой в России женщиной, получившей должность профессора этнографии. Ее учебник «Введение в этнографию» переиздавался до революции и в советское время.

В 1914 г. Вера Николаевна получила золотую медаль Русского географического общества. Но тяжелая болезнь воспрепятствовала многим замыслам Веры Харузиной. В 1922–1923 гг., частично парализованной она читала курс на этнографическом отделении факультета общественных наук в Московском университете. В 1923–1929 гг. занималась со студентами на дому.

Вера Николаевна Харузина умерла 14 мая 1931 г. в московской квартире на Борисоглебском переулке, дом 3. Похоронена на Дорогомиловском кладбище.

4.2. В.Н. Харузина как этнограф

Интерес к этнографии у Веры Николаевны Харузиной пробудился еще в детстве. Научившись рано читать, она с увлечением читала книги о путешествиях, приключениях, далеких странах, про добрых пиратов, индейцах, путешественниках и, порой представляла себя в их роли (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78 Л. 233–241). Из воспоминаний Веры Николаевны Харузиной: «Книг было мало в нашем раннем детстве, что невольно с нежностью вспоминаешь каждую из них... тетя выучила нас читать, и с этого времени меня неудержимо потянуло к книге». «С приходом Мд. (гувернантки) нечто новой вошло в нашу жизнь – это была детская книга. Мы читали разные книги. В них мы находили интересные рассказы, мы любили в них заучивать стихотворения» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 78. Л. 155). Образ Робинзона Крузо оказал на Веру Харузину неизгладимое впечатление, она стала готовить себя к предстоящему путешествию на необитаемый остров – ела траву, что впоследствии привело к серьезному заболеванию – дизентерии.

В десятилетнем возрасте в 1877 г. Вера Харузина посещает антропологическую выставку в Москве, на которой было представлена обширная коллекция этнографических предметов, антропологических моделей и артефактов из разных уголков мира. Посещение выставки вызвало у Веры Харузиной большой восторг и определило ее научные интересы, став ключевым моментом в выборе призвания.

Конечно, значительная роль в интеллектуальном, духовном и профессиональном становлении Веры Николаевны принадлежала ее братьям. Они охотно делились с ней познаниями в этнографии и антропологии. Так, в 1887 г. в качестве сопровождающего своего брата Николая Николаевича Харузина, она отправляется в экспедицию на Север – в Лапландию, Карелию и Архангельскую губернию. На месте она начинает сбор этнографического материала описывая верования и обряды народов Севера, после чего выпускает ряд научно-популярных очерков.

В очерке «На Севере» Вера Николаевна подробно описывает природу и народы, населяющие Кивач, Водлозеро, Кенозеро и другие: «Масса серых домиков совершенно однообразной постройки, напоминающих собой деревенские избы, вместе со скромным собором, ютятся на краю крутого обрыва, спускаясь к реке Водль. Вперемешку с домами идут огороженные пашни, засеянные овсом и рожью, реже огороды, принадлежащие обывателям» (Харузина, 1890). «Авдеевская роща, состоящая из нескольких елок, темные хвои которых прекрасно сочетаются с зеленью несколько берез, скрывает под своей густой тенью маленькую деревянную часовню, выкрашенную в темную охру; тут же течет родник» (Харузина, 1890). В приведённом фрагменте Вера Николаевна Харузина демонстрирует характерные черты своего этнографического письма – сочетание точной наблюдательности с художественной образностью. Через лаконичное, но выразительное описание она фиксирует не просто внешний облик места, но и его глубинную культурную семантику. Роща выступает как естественное «оправление» святыни: ели и берёзы не просто окружают часовню, а создают особый микроклимат уединения и таинственности. Это подчёркивает традиционную для русского Севера модель взаимодействия природы и культового сооружения – часовня не доминирует над ландшафтом, а органично в него встроена. Описывая часовню, Вера Николаевна документирует микрокосм традиционной культуры, где природа становится храмовым притвором, архитектура хранит следы повседневного использования, иконопись отражает «народное богословие». Этот

подход характерен для её метода: видеть в малых деталях – большие культурные закономерности, а в конкретных предметах – систему верований и обычаев.

В 1903 г. в Москве был опубликован очерк Веры Николаевны Харузиной о самобытном народе лопарей – саамов «Оцзи и Олес: Рассказ о жизни лопарей». Это издание стало одним из первых в отечественной этнографии, где системно и с глубоким сочувствием был представлен быт, верования и повседневная жизнь малочисленного северного народа. Вера Николаевна подчеркнула, что их основные ареалы обитания – это север Швеции и Норвегии, а в пределах Российской империи – это северная часть Финляндии и весь Кольский полуостров, который традиционно именуется Русской Лапландией, а также показала демографические сведения: общая численность лопарей оценивается в 25000 человек. При этом на территории России проживает лишь немногим более 3000 представителей народа: примерно 1200 человек в Финляндии и около 2000 – в Русской Лапландии (Харузина, 1903). Вери Николаевна не ограничивается описанием внешних черт культуры, а стремится понять внутренний мир саамов: их представления о природе, духи предков, систему запретов и предписаний. Особое внимание уделено роли оленя как основы хозяйства и символа идентичности.

Летом 1911 г. от Московского Археологического института Вера Николаевна была командирована в Германию для ознакомления с делами немецких этнографических музеев. По окончании поездки в 1912 г. на 96 страницах она публикует «Отчет о летней поездке в Германию», где подробно описывает обстановку и свои действия: «Особые обстоятельства, сопровождавшие мою поездку, не позволили мне, к сожалению, выполнить вполне начертанный мной план: посетить музеи в Берлине, Гамбурге, Франкфурте, Дрездене и Лейпциге (музеи в Ганновер и Кельн мной были осмотрены в предыдущую поездку). Кроме того, я поставила себе на этот раз узкую задачу: ознакомиться со способами консервирования коллекций, также с размещением их. В своих занятиях я встретила только предупредительное и внимательное отношение со стороны лиц, стоящих во главе посещенных мной музеев, и я с особым теплом выражаю свою глубокую признательность как им, так и тем лицам из ученого персонала музеев, которые помогали мне своими указаниями отрываясь от своих занятий...» (Харузина, 1912).

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве сохранились рукописные материалы Веры Николаевны Харузиной – её рабочие заметки, включающие выписки из научных изданий и собранные цитаты. Среди них – фрагменты, посвящённые заговорам и заклинаниям. Например, цитата из очерка М. А. Кастрена «Etnologiske forlesungen über di altanschen ferker» (Санкт-Петербург, 1857) повествует предание сибирских татар, а именно о богатыре, который собирался поразить насильника из лука, но не мог натянуть оружие – оно оказалось мощнее его собственных сил. Лук принадлежал ещё более могучему богатырю – Алтын Тактаю. Тогда герой произносит ритуальную формулу, обращаясь «с молитвой к Кудая»: «Не я натягиваю лук – натягивает его Алтын Тактай; не я спускаю стрелу – спускает её Алтын Тактай». После этих слов к нему приходит необходимая сила: он успешно натягивает тетиву и поражает противника (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп.1. Д. 83. Л. 550б.). По заметкам видно, что Вера Николаевна Харузина стремилась к точности цитирования и указания источников, обращала внимание на вариативность текстов (разные версии одного сюжета), сочетала филологический анализ (разбор формул, повторов) с этнографическим контекстом (связь обряда и верования). Заметки Харузиной – не просто черновики, а самостоятельный научный пласт: они раскрывают её аналитический инструментарий, сохраняют уникальные этнографические сведения и позволяют проследить эволюцию этнографического знания в России.

4.3. В.Н. Харузина как личность

Учёный как личность – это всегда сложный сплав аналитического ума, профессиональной страсти и преданности истине. В случае Веры Николаевны Харузиной эти качества проявились особенно ярко: её жизнь пришлась на эпоху Серебряного века – время стремительных перемен, когда рост городов, электрификация, появление автомобилей и авиации создавали ощущение конца старого мира и неизбежности новой реальности.

Изучая дневники Веры Николаевны Харузиной, нельзя не обратить внимание на запись от 1 марта 1917 года – момент, когда личная боль переплетается с историческим катаклизмом. В строках дневника не только эмоциональное высказывание, но и попытка осмысления эпохи. Вера Николаевна начинает с парадоксального признания: «Я знаю, что помимо всего прочего, для меня случилось огромное несчастье. Это неопределимо и так определимо». Это противоречие – ключ к пониманию её состояния: горе одновременно абстрактно и осязаемо, как тень, которая становится всё плотнее. Примечательно, как она соотносит личную утрату с масштабными событиями. Мысль о матери («какое счастье, что мама не дождала») звучит не как эгоизм, а как признание, что некоторые испытания невыносимы для тех, кто не готов к переменам. А затем – сухой, почти телеграфный факт: первая западная бригада перешла на сторону Думы. Для Веры Николаевны Харузиной это не новость из газет, а личная катастрофа: «Непредотвратимое совершилось...». Интересно и то, как она связывает своё поколение с прошлым: «Наше поколение готовилось к нему всю жизнь. Но в нас живы ещё традиции». Здесь – не ностальгия, а попытка удержать то, что ещё не разрушено.

Заключительная строка - «Многое больно, многого пожелаешь, чтобы никогда не было» – звучит как реквием по утраченному миру (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 51).

Её реакция на политические потрясения (речи Милокова, Шульгина, события в Думе) (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 380б.) показывает не просто наблюдательность, но и гражданское мужество. Она отказывалась поддаваться эйфории революционных перемен: «Я не верю в светлые дни грядущего. Мне тягостно всё, как если бы я читала историю французской революции... Безумие левых всё распаляется – и непоправимое свершилось» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 52).

4.3.1. Внутренний мир: боль, стойкость и эмпатия. Вера Николаевна Харузина не скрывала личных испытаний. Анализируя личный архив Веры Николаевны, невозможно не ощутить глубину тех испытаний, что выпали на её долю. Её дневники – не просто хроника событий, но и пронзительный рассказ о борьбе с физическими и душевными страданиями. Особенно показательна запись от 29 мая 1916 года (Троицын день), где Вера Николаевна с редкой откровенностью описывает своё состояние. В этих строках – трагедия учёного и писателя, лишённого возможности фиксировать свои размышления. Для Веры Николаевны Харузиной процесс письма был не просто работой, а сущностной потребностью: мысль и перо составляли единое целое. Разрыв этой связи она воспринимает как утрату части себя, как шаг вниз в переживании болезни. Примечательно, как она рефлексировала над собственной реакцией: «Бросить тетрадь, значит сойти на ступень ниже в переживании болезни» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 3). Здесь проявляется её принципиальность: даже в болезни она отказывается капитулировать перед обстоятельствами. Вера Николаевна Харузина сознательно выбирает путь приспособления, а не отказа: «Надо приспособливаться. Надо быть твёрдыми, как слепой Щербина и не сдаваться». Повторение фразы «не сдаваться» и признание создают драматическое напряжение. Мы видим не стоическую невозмутимость, а живого человека, который честно признаёт нарастающую усталость: «Годами я боролась с болезнью. Теперь мне всё труднее и труднее. Всё же надо пробовать» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 3). Эта финальная реплика – не победный клич, а тихое утверждение воли. В ней нет пафоса, но есть непреклонность: несмотря на усиливающиеся трудности, Вера Николаевна продолжает борьбу, понимая, что каждый день – это новый вызов. При этом она демонстрировала редкую способность к сопереживанию. Узнав о горе Р.К. Кеединой (смерть отца) и терзаниях В.М. Орловой, Вера Николаевна Харузина не просто сочувствовала – она «проживала» чужую боль как свою (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 50б.). Даже в болезни она находила силы радоваться визитам друзей: например, восхищалась картинами П. Я. Чепуриной, видя в её работах «яблоки и груши в цвету», «тополя в серенький крымский денёк», «облака в Крыму» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 8).

4.3.2. Связь с людьми: опора в бурю. В тяжёлые времена рядом с Верой Николаевной Харузиной были близкие и коллеги. Визиты М.Н. Астаповой с разговорами о Народном университете и воскресной школе помогали ей возвращаться к профессиональной идентичности. Встречи со студентами в Археологическом институте становились источником утешения (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 20). Такие отношения подчёркивают её дар выстраивать глубокие человеческие связи – качество, редко отмечаемое в биографиях учёных, но крайне важное для понимания её личности.

В дневниковых записях Веры Николаевны Харузиной даже мимолетные встречи превращаются в значимые эпизоды, раскрывающие не только характер окружающих, но и её собственный взгляд на мир. Одна из таких зарисовок относится к визиту С.К. Просвиркиной, появившейся неожиданно: «мрачные и мягкие глаза» соседствуют с «удивительной душевной энергией». Физическая травма («несчастье ампутированной ноги») не подавляет внутреннюю силу, а словно оттеняет её (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 7). Здесь Вера Николаевна выступает как тонкий наблюдатель, умеющий увидеть противоречивое единство в человеке. Такие эпизоды – не просто хроника дней, а возможность: увидеть в другом человеке отражение универсальных испытаний; отметить, как физическая хрупкость сочетается с духовной силой. Краткая запись о визитах становится микрокосмом её мировоззрения: здесь и профессиональный интерес этнографа, и чуткость психолога, и гуманизм человека, умеющего находить красоту в несовершенстве.

4.3.3. Война как нравственный вызов. Первая мировая война стала для Веры Николаевны Харузиной не только историческим событием, но и личной трагедией. В одной из дневниковых записей Вера Николаевна Харузина пытается осмыслить тотальный характер войны – не как внешнего события, а как глубинного переживания, проникающего в самое ядро человеческого бытия. Её слова: «Война – она заполнила душу, всем всем как-то...» – задают ключевой тон: речь идёт не о периферийном явлении, а о тотальной оккупации внутреннего мира. Повторение «всем всем» подчёркивает всеобъемлющий характер травмы – война становится универсальным контекстом существования. Вера Николаевна последовательно развенчивает упрощённые представления о военном времени: «Это не только чтение газет, мучительные надежды на успех и тревога за него» – отвергается поверхностное восприятие войны как информационного потока. «Это не только жажда победы, жажда выдворить врага» – реконструируется героический нарратив, сводящий войну к борьбе с внешним противником. Вместо этого она фиксирует многослойность военного опыта: «Это бесконечное число переживаний». Здесь важно слово «бесконечное» – оно указывает на неисчерпаемость боли, на то, что война порождает эмоции, не поддающиеся каталогизации или

рационализации. Особенно пронзительно звучит её описание антропологического сдвига, вызванного войной: «Ужасы от массы смертей» – акцент на количественном аспекте, превращающем смерть из индивидуального события в статистическую реальность; «Жизнь человеческая стала так дешева» – констатация нравственного перелома, когда базовые гуманистические ценности обесцениваются. «Всё стало возможным...» – фиксация разрушения прежних границ допустимого, когда война легализует то, что в мирное время считалось немислимим. Здесь демонстрирует механизм осмысления травмы – Вера Николаевна Харузина не просто описывает факты, а пытается ухватить саму природу военного опыта. Раскрывает этическую чуткость автора – она видит в войне не только политические или военные аспекты, но и антропологическую катастрофу. Фиксирует парадокс восприятия – война одновременно везде («заполнила душу») и нигде (её ужасы становятся обыденностью). В отличие от официальных сводок или патриотических речей, запись Вера Николаевна возвращает войне человеческое измерение. Она показывает, как глобальное событие превращается в личную историю боли, где каждая строка – свидетельство о разрушении прежнего мира и рождении новой, тревожной реальности (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л.100б.).

В своих мемуарах о Первой мировой войне Вера Николаевна Харузина глубоко переживает и за судьбу России, описывает разруху, нехватку продовольствия, и критически оценивает ход действий. Личные переживания отражают трагизм положения страны, понесшей огромные потери. В дневнике есть запись, где Вера Николаевна фиксирует момент внезапного прозрения – то, что поначалу казалось «солнечным настроением», рушится после разговора с «Л. И. Як.» и «О. А. Ляск.». Их свидетельства о новых нравах в армии – избиения солдат, нарушения порядка в военных училищах – становятся катализатором глубокого внутреннего перелома. Механизм разрушения иллюзий Вера Николаевна описывает процесс, в котором повседневное общение (визит друзей, беседа) внезапно вскрывает скрытую реальность. «Солнечное настроение» – образ хрупкой гармонии – оказывается поверхностным, легко разрушаемым. На смену ему приходит образ «бездны», которая открывается «для души» (то есть затрагивает глубинное, экзистенциальное измерение), становится постоянной «в глубине сознания», поглощает всё внешнее «съедает всё, что поверхностно». Ключевая метафора – «бездна войны» – раскрывает несколько смысловых пластов: ужас и бессмысленность – война предстаёт не как героический эпос, а как пространство, где царит «бессмысленное и античеловеческое». На фоне этого мрачного прозрения особенно значима финальная фраза: «Любить широко, по-Божьему – так хорошо». Здесь Вера Николаевна противопоставляет ненависть и насилие войны – идеалу любви, подчёркивает универсальность этого идеала («по-Божьему» – то есть выходящему за рамки личного), фиксирует внутренний выбор: даже перед лицом бездны человек может стремиться к свету. Здесь Вера Николаевна показывает механизм нравственного пробуждения – как частное свидетельство (рассказ друзей, родных) становится поводом для глобального переосмысления. Фиксирует внутренний конфликт эпохи: между желанием жить «как прежде» и невозможностью игнорировать ужасы войны. Таким образом, эта запись – не просто хроника событий, а глубокий экзистенциальный документ, где личная боль и общечеловеческая трагедия сливаются в единый опыт. Вера Николаевна Харузина не просто фиксирует факты, а пытается понять, как жить дальше в мире, где «бездна» стала частью души (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 4).

4.3.4. Тревога за близких. В череде тягостных размышлений и болезненных переживаний, заполняющих дневники Веры Николаевны Харузиной 1916 года, особняком стоит запись от 30 августа. Она словно луч света в сумрачной повседневности – рассказ о приезде брата Славы в отпуск. Уже первые фразы передают переполнение чувств: «так много было счастья» – не просто радость, а избыток, почти непомерный для измученной души; «всё сплетается в одно радостное» – ощущение целостности, когда бытовые детали, разговоры, даже тишина обретают единый светлый смысл; молитвенное «Так, Господи, хорошо» – благодарность, выходящая за рамки обыденного, почти благоговейная. Сцена в кабинете оживает благодаря конкретным деталям: «новый маленький кабинет» – личное, уютное, где возможно доверительное общение; живость рассказа: брат не просто говорит, а «показывает» марши, поёт – перед нами не монолог, а маленькое представление; солдатские и юнкерские песни звучат в мирной обстановке, напоминая о войне, но не омрачая момента. Перетекание тем подчёркивает естественность общения: «Сегодня уже разговоры про магию, египетскую религию. Снова, как прежде – и не думаешь, всего неделя» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 220б.). От военного быта – к эзотерике, от современности – к древним цивилизациям. Это: свидетельство интеллектуальной близости – способность мгновенно переключаться между темами без натяжки; намёк на прежнюю жизнь («снова, как прежде»), когда такие беседы были обыденностью; горькое осознание краткости мгновения («всего неделя») – визит брата лишь пауза в череде испытаний. Почему эта запись важна? Она показывает: силу родственных связей – как источник утешения в кризисное время; способность радоваться малому – даже краткий визит становится событием, преображающим мир. В этой записи Вера Николаевна не анализирует, не рефлексировать – она просто живёт моментом, позволяя себе быть счастливой. И именно эта непосредственность делает текст столь пронзительным: перед нами не учёный, а человек, на миг забывший о боли и тревогах.

Постоянная мысль о брате Славе (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 90б.), переживания за судьбы знакомых (например, гибель «Кубарика» – товарища юности А.М.) делали войну не абстрактным событием, а личной раной (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 16). В дневниковой записи от 13 сентября 1916 года Вера Николаевна Харузина фиксирует не собственное горе, а глубокое сопереживание чужой утрате – гибели сына графини Бобринской (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 270б.). Этот эпизод раскрывает важную черту её личности: способность эмоционально включиться в чужую боль, превращая сочувствие в нравственный поступок. Ключевая мысль здесь – прозрение через страдание. Вера Николаевна Харузина отмечает, что подлинная мера любви становится ясной лишь в момент непоправимой утраты. Это не абстрактное размышление, а личное откровение: переживание чужой трагедии заставляет её заново осмыслить собственные чувства к близким. Почему этот фрагмент значим? Он показывает механизм сопереживания – как Вера Николаевна не просто жалеет, а буквально «примеряет» чужую боль на себя. Раскрывает этический идеал – любовь проявляется в способности разделить страдание. Фиксирует дух эпохи – частные трагедии становятся общим опытом в условиях войны.

4.3.5. Профессиональная миссия как спасение. Даже в условиях болезни и войны Харузина сохраняла верность науке. Чтение лекций становилось для неё «радостью и утешением», а работа с этнографическими материалами (например, визит Е.Н. Клентовой с «этнографическими записями» (ОПИ ГИМ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 83. Л. 7) позволяла сохранять связь с профессиональным призванием. В её дневниках прослеживается чёткая иерархия ценностей: эмпатия – способность чувствовать чужую боль; стойкость – отказ сдаваться перед лицом испытаний; служение науке – как способ осмысления хаоса эпохи.

Вера Николаевна Харузина – не просто учёный-этнограф, но и человек, чья жизнь стала зеркалом переломной эпохи. Её дневники показывают, как интеллектуальная честность, эмоциональная глубина и профессиональная преданность позволяли ей сохранять достоинство и смысл в условиях, когда сама реальность казалась распадающейся на части. В её судьбе соединились: трагедия поколения, пережившего войны и революции; мужество исследователя, не боявшегося задавать неудобные вопросы; теплота человека, умевшего любить и сострадать. Именно эта многогранность делает её наследие актуальным не только для историков науки, но и для всех, кто ищет примеры нравственной стойкости в сложные времена.

5. Заключение

Вклад Веры Николаевны Харузиной в этнографию определяется синтетическим подходом и методологической чуткостью: полевая работа и систематизация. Она не ограничивалась кабинетными исследованиями: сбор этнографических материалов, работа с коллекциями позволяли ей соединять эмпирику с теоретическим осмыслением; сбор и публикация сказок народов дореволюционной России демонстрируют её интерес к фольклору как «голосу» этнических сообществ. В работах прослеживается связь этнографии с историей, религиоведением, фольклористикой – подход, опережавший время. Её дневники показывают осознанное стремление не просто «фиксировать» культуру, а понимать её изнутри, через сопереживание (например, внимание к личным историям собеседников).

Вера Николаевна Харузина внесла вклад в сохранение и осмысление культурного многообразия Российской империи, заложив основы для изучения этнографии как живой дисциплины. Интеграция личного опыта и стойкость перед лицом болезни, способность продолжать работу вопреки обстоятельствам служили студентам негласным уроком профессиональной этики. Её труды сочетали глубину анализа с ясностью изложения, делая сложные темы понятными для начинающих исследователей.

Человеческий облик Веры Николаевны раскрывается через противоречивое единство: сострадание без сентиментальности (её сопереживание чужим трагедиям не превращалось в жалость, а становилось актом нравственного участия); стойкость без риторики (борьба с болезнью, осознание неизбежности потерь не лишали её воли к действию); интеллектуальная честность (она не избегала сложных вопросов, открыто фиксируя сомнения и страхи): любовь как этический ориентир.

Личность Веры Николаевны Харузиной – пример того, как учёный может оставаться человеком в эпоху катастроф, сохраняя достоинство, эмпатию и веру в ценность знания. Наследие Веры Николаевны Харузиной многогранно: как этнограф она обогатила науку полевыми материалами и междисциплинарными подходами; как профессор – воспитала поколение исследователей, показав, что преподавание – это диалог и ответственность; как личность – продемонстрировала, что подлинная учёность неотделима от нравственной позиции.

Её работы и дневники остаются актуальными не только для историков этнографии, но и для всех, кто ищет примеры интеллектуальной честности и человеческой стойкости в сложные времена.

Литература

Васеха, 2025 – Васеха М.В. Мария Васильевна Красножёнова (1871–1942): пионерка сибирской фольклористики и этнографии // *Женщина в российском обществе*. 2025. № 4. С. 168–181.

- Керимова, 1998 – Керимова М.М. Словения и словенцы в трудах А.Н. Харузина и В.Н. Харузиной // *Живая старина*. 1998. № 2. С. 44-47.
- Керимова, Наумова, 1999 – Керимова М.М., Наумова О.Б. Алексей Николаевич Харузин – этнограф и антрополог // Сборник Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература. 2002. С. 164-198.
- Керимова, 2003 – Керимова М.М. Семья этнографов Харузиных и их эпистолярное наследие // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 4. С. 90-106.
- Керимова, 2007 – Керимова М.М. Николай Харузин и Василий Кандинский // *Этнографическое обозрение*. № 6. 2007 г. С. 14-33.
- Керимова, 2011 – Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии (1880–1930-е годы). М.: «Восточная литература». 2011. 760 с.
- Курбатов, 2003 – Курбатов В.И. Возрождая целостность общественного сознания // *Экономический Вестник Ростовского государственного университета*. 2003. Т. 1. № 1. С. 135-139.
- Миллер, 1900 – Миллер В.Ф. Николай Николаевич Харузин (некролог) / *Этнографическое обозрение*. Кн. XLV. (№ 2, 1900). С. 1-12.
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва).
- Секенова, 2021 – Секенова О.И. Детство в воспоминаниях российских женщин-историков второй половины XIX – первой половины XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2021. Т. 20. № 2. С. 286-294.
- Токарев, 2015 – Токарев С.А. История русской этнографии / Составитель и отв. редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 2015. 656 с.
- Харузина, 1890 – Харузина В.Н. На Севере. Путевые воспоминания. М.: Типография Т-ва А. Левенсона Ко. 1890.
- Харузина, 1903 – Харузина В.Н. Оцзи и Олес : Рассказ из жизни лопарей. Москва: тип. О-ва распростр. полез. кн., аренд. В.И. Вороновым, 1903.
- Харузина, 1912 – Харузина В.Н. Отчет о летней поездке в Германию (Каталогизация, консервирование и размещение коллекций в этнографических музеях). М.: Издательство печ. А.И. Снегиревой. 1912. С. 1-3. (96 с.)
- Харузина, 1999 – Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 558 с.
- Харузина Вера, 2025 – Харузина В.Н. Сказки русских инородцев. М.: Издательство Юрайт. 2025. 199 с.
- Харузина, 2025а – Харузина В.Н. Введение в этнографию. М., Издательство Юрайт. 2025. 191 с.
- Харузина и др., 2014 – Харузина В., Бартрам Н., Малахиева-Мирович В., Оршанский О., Боруцкий В., Глаголь С. Игрушка. Ее история и значение. М.: Издательство Роща Большая Медведица, 2014. 274 с.
- Хорина, 2017 – Хорина В.В. В.Н. Харузина как историк религии // *Религиоведение*. № 3. 2017. С. 164-172.
- Хорина, 2017 – Хорина В.В. Описания шаманизма в исследованиях Н.Н. Харузина и В.Н. Харузиной // *Религиоведение*. 2017. № 4. С. 172-177.
- Юнгус, 2025 – Юнгус Г.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев – «гений места» и создатель смыслов: диалог как путь к достижению согласия на примере произведения «Дерсу Узала» // *Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств*. № 3 (8). 2025. С. 61-65.

References

- Керимова, 1998 – Kerimova, M.M. (1998). Sloveniya i sloventsy v trudakh A.N. Kharuzina i V.N. Kharuzinoi [Slovenia and Slovenes in the works of A.N. Kharuzin and V.N. Kharuzina]. *Zhivaya starina*. 2: 44-47. [in Russian]
- Керимова, Наумова, 1999 – Kerimova, M.M., Naumova, O.B. (1999). Aleksei Nikolaevich Kharuzin – etnograf i antropolog [Nikolaevich Kharuzin – ethnographer and anthropologist]. *Sbornik Repressirovannye etnografy*. M.: Vostochnaya literatura. Pp. 164-198. [in Russian]
- Керимова, 2003 – Kerimova, M.M. (2003). Sem'ya etnografov Kharuzinykh i ikh epistol'arnoe nasledie [The Kharuzin family of ethnographers and their epistolary legacy]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4: 90-106. [in Russian]
- Керимова, 2007 – Kerimova, M.M. (2007). Nikolai Kharuzin i Vasilii Kandinskii [Nikolai Kharuzin and Wassily Kandinsky]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6: 14-33. [in Russian]
- Керимова, 2011 – Kerimova, M.M. (2011). Zhizn', otdannaya nauke. Sem'ya etnografov Kharuzinykh. Iz istorii rossiiskoi etnografii (1880–1930-e gody) [A life dedicated to science. The Kharuzin family of ethnographers. From the history of Russian ethnography (1880s–1930s)]. M.: «Vostochnaya literatura». 760 p. [in Russian]

Kurbatov, 2003 – Kurbatov, V.I. (2003). Vozrozhdaya tselostnost' obshchestvoznaniya [Reviving the integrity of social science]. *Ekonomicheskii Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(1): 135-139. [in Russian]

Kharuzina, 1890 – Kharuzina, V.N. (1890). Na Severe. Putevye vospominaniya [In the north. Travel memories]. M.: Tipografiya T-va A. Levensoni Ko. P. 20; P. 50. [in Russian]

Kharuzina, 1903 – Kharuzina, V.N. (1903). Otszi i Oles: Rasskaz iz zhizni loparei Moskva [Otzi and Oles: A Story from the life of the Lapps]: tip. O-va rasprostr. polez. kn., arend. V.I. Voronovym. [in Russian]

Kharuzina, 1912 – Kharuzina, V.N. (1912). Otchet o letnei poezdke v Germaniyu (Katalogizatsiya, konservirovanie i razmeshchenie kollektzii v etnograficheskikh muzeyakh) [Report on a summer trip to Germany (Cataloguing, preserving and placing collections in ethnographic museums)]. M.: Izdatel'stvo pech. A.I. Snegirevoi. Pp. 1-3. (96 p.) [in Russian]

Kharuzina, 1999 – Kharuzina, V.N. (1999). Proshloe. Vospominaniya detskikh i otrocheskikh let [The Past. Memories of childhood and adolescence]. Vstup. stat'ya, sost., podg. teksta i komment. M.M. Kerimovoi i O.B. Naumovoi. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 558 p. [in Russian]

Kharuzina, 2025 – Kharuzina, V.N. (2025). Skazki russkikh inorodtsev [Tales of Russian foreigners]. M.: Izdatel'stvo Yurait. 199 p. [in Russian]

Kharuzina, 2025a – Kharuzina, V.N. (2025). Vvedenie v etnografiyu [Introduction to ethnography]. M., Izdatel'stvo Yurait. 191 p. [in Russian]

Kharuzina i dr., 2014 – Kharuzina, V., Bartram, N., Malakhieva-Mirovich, V., Orshanskii, O., Borutskii, V., Glagol', S. (2014). Igrushka. EE istoriya i znachenie. [The toy. Its history and meaning]. M.: Izdatel'stvo Roshcha Bol'shaya Medveditsa. 274 p. [in Russian]

Khorina, 2017 – Khorina, V.V. (2017). V.N. Kharuzina kak istorik religii [V.N. Kharuzina as a historian of religion]. *Religiovedenie*. 3: 164-172. [in Russian]

Khorina, 2017 – Khorina, V.V. (2017). Opisaniya shamanizma v issledovaniyakh N.N. Kharuzina i V.N. Kharuzinoy [Descriptions of shamanism in the studies of N.N. Kharuzin and V.N. Kharuzina]. *Religiovedenie*. 4: 172-177. [in Russian]

Miller, 1900 – Miller, V.F. (1900). Nikolai Nikolaevich Kharuzin (nekrolog) [Nikolai Nikolaevich Kharuzin (obituary)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. Kn. XLV. 2: 1-12. [in Russian]

OPI GIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (g. Moskva) [Department of Written Sources of the State Historical Museum].

Sekenova, 2021 – Sekenova, O.I. (2021). Detstvo v vospominaniyakh rossiiskikh zhenshchin-istorikov vtoroi poloviny XIX – pervoi poloviny XX v. [Childhood in the memories of russian women historians of the second half of the 19th – first half of the 20th centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 20(2): 286-294. [in Russian]

Tokarev, 2015 – Tokarev, S.A. (2015). Istoriya russkoi etnografii [History of Russian ethnography]. Sostavitel' i otv. redaktor O. A. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. 656 p. [in Russian]

Vasekha, 2025 – Vasekha, M.V. (2025). Mariya Vasil'evna Krasnozhenova (1871–1942): pionerka sibirskoi fol'kloristiki i etnografii [Maria Vasilievna Krasnozhenova (1871–1942): a pioneer of Siberian folklore studies and ethnography]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 4: 168-181. [in Russian]

Yungus, 2025 – Yungus, G.A. (2025). Vladimir Klavdievich Arsen'ev – «genii mesta» i sozdatel' smyslov: dialog kak put' k dostizheniyu soglasiya na primere proizvedeniya «Dersu Uzala» [Vladimir Klavdievich Arsenyev – a «genius of the place» and creator of meaning: dialogue as a path to reaching agreement, as exemplified by the work «Dersu Uzala»]. *Periferiya. Zhurnal issledovaniya nestolichnykh prostranstv*. 3(8): 61-65. [in Russian]

«Это неопределимо и так определимо» (первая женщина-этнограф В.Н. Харузина как личность)

Ляйля Гельсовна Хуснутдинова ^{а, *}

^а Московский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые предпринято целостное осмысление научного и личного вклада Веры Николаевны Харузиной (1866–1931) – выдающейся исследовательницы, ставшей первой в России женщиной-профессором этнографии (1907 г.).

Опираясь на ранее не публиковавшиеся архивные материалы из фонда Отдела письменных источников Государственного исторического музея Москвы, авторы реконструируют профессиональный путь учёной и раскрывают самобытность её исследовательского метода.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: Lavanda-55@mail.ru (Л.Г. Хуснутдинова)

Научный вклад Харузиной трудно переоценить: собранные ею коллекции и опубликованные труды составили фундамент для изучения культурного многообразия Российской империи. Её полевые исследования сочетали скрупулёзность наблюдателя с редкой способностью проникать в смысловые глубины изучаемых традиций.

Как педагог она совершила подлинный прорыв: внедрила сравнительно-исторический метод в преподавание этнографии; создала первый в России учебник по этнографии, удостоенный в 1914 г. Золотой медали Русского географического общества; воспитала целое поколение исследователей, подавая пример профессиональной стойкости – даже после наступления паралича в 1908 г. она не прекратила научной и педагогической деятельности.

Как личность Вера Николаевна Харузина явила редкий синтез интеллектуальной честности и гуманизма. Её дневники свидетельствуют о глубокой способности к сопереживанию; непоколебимой стойкости перед лицом личных трагедий (арест брата, военные потери, тяжёлая болезнь); твёрдой вере в «широкую, по-Божьему» любовь как нравственный ориентир.

Научная новизна исследования заключается в первом системном анализе наследия Веры Николаевны Харузиной на базе неопубликованных архивных источников; выявлении органической связи между её исследовательским методом и личностными качествами; переоценке роли учёной как основоположницы «женской этнографии», сфокусированной на изучении женского опыта, детства и бытовых ритуалов.

Наследие Веры Николаевны Харузиной сохраняет актуальность для современной гуманитаристики. Её жизнь и труды убедительно доказывают: этнография – это живой диалог с культурой, а подлинная наука немислима без нравственного выбора и человеческого участия.

Ключевые слова: История Российской этнографии, Вера Николаевна Харузина, женская наука, мемуары, архивные материалы, полевая работа, культурное наследие.